

Архипова Н.М.

«Дорога чести»

Постоянными нравственными исканиями, стремлением к познанию смысла жизни, к добру и правде была наполнена короткая жизнь Андрея Болконского.

Неудовлетворенный светской жизнью, мечтая о военной деятельности, полезной для России, князь Андрей в 1805 году уезжает на службу в армию. Его увлекает в эту пору судьба Наполеона.

Службу в армии Болконский начинает с низших чинов в числе адъютантов в штабе Кутузова и, в отличие от штабных офицеров, таких, как Жерков и Друбецкой, не ищет легкой карьеры и наград. Князь Андрей — патриот, он чувствует ответственность за судьбу России и армии, считает своим долгом быть там, где особенно трудно. «Увидав Мака и услышав подробности его гибели, он понял, что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней». Князь Андрей настаивает на том, чтобы его направили в отряд Багратиона, которому было поручено задержать неприятеля, не позволить ему отрезать «путь сообщения Кутузова с войсками, шедшими из России». Слова Кутузова: «Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду бога благодарить» — не остановили Болконского. «От этого я и прошу отправить меня в этот отряд», — отвечал он.

Мечты Болконского о подвиге, славе неотделимы от чувства «любви к другим, желания сделать для них что-нибудь, желания их похвалы». Когда после Шенграбенского сражения Багратион обрушился на скромного капитана Тушина, которому «во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия», князю Андрею было грустно и тяжело слышать «смех офицеров», не участвовавших в бою, но пытавшихся приписать себе успехи дня. Восстанавливая справедливость, он смело защищает капитана: «...Успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой».

Перед Аустерлицким сражением князь Андрей «твердо был уверен, что нынче был день его Тулона или его Аркольского моста». Когда подпрапорщик, державший знамя полка, был сражен выстрелом, князь Андрей, крикнув: «Ребята, вперед!» — поднял знамя и увлек за собой в атаку весь батальон. «Ваш сын, в моих глазах, — писал Кутузов старому князю Болконскому, — с знаменем в руках впереди полка, пал героем, достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению моему и всей армии, до сих пор неизвестно, — жив ли он или нет...»

На поле брани перед лицом смерти князь Андрей понял, что кумиры и слава далеки от истинного смысла жизни. Простиравшееся над ним «неизмеримо высокое» аустерлицкое небо с тихо ползущими по нему облаками рождало мысль о вечности, в сравнении с которой все стремления и увлечения казались ничтожными. «Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения». В этот момент проезжающий мимо со своей свитой Наполеон, театрально воскликнувший: «Вот прекрасная смерть!», — показался ему маленьким и ничтожным человеком «в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом», олицетворявшим для князя Андрея истинный смысл жизни.

Возвращение Андрея Болконского домой не было радостным. Рождение ребенка и одновременно смерть жены, перед которой он чувствовал свою нравственную вину, углубили его духовный кризис. Болконский безвыездно живет в деревне, занимаясь хозяйством и воспитанием сына Николеньки. Ему кажется, что жизнь его уже кончена.

Глубокое разочарование во всем, неверие в высокое назначение человека, пассивное отношение к действительности звучат в его разговоре с Пьером, посетившим Богучарово. «Я живу и в этом не виноват, стало быть, надо как-нибудь получше, никому не мешая, дожить до смерти», – говорит князь Андрей. «Надо жить, надо любить, надо верить», – убеждает его Пьер. Беседа с другом не прошла бесследно. Под влиянием Пьера началось духовное возрождение князя Андрея: «в первый раз после Аустерлица он увидел то высокое, вечное небо... и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе». За два года жизни в деревне им были осуществлены без заметного труда «все те мероприятия по имениям», которые затеял у себя Пьер и «не довел ни до какого результата». В одном из имений Болконский перевел крестьян в вольные хлебопашцы, в других заменил барщину оброком. В Богучарове открыл школу. Встреча с Наташей Ростовой в Отрадном окончательно пробуждает его к жизни.

Процесс духовного обновления князя Андрея ярко раскрывается в восприятии им природы. По дороге к Ростовым, проезжая через рощу, он обратил внимание на то, что береза, черемуха и ольха, почувствовав весну, покрывались зеленой листвой. И только старый дуб «один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца». Одухотворяя природу, ища в ней созвучия своему настроению, князь Андрей думал: «Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь кончена!» Но, возвращаясь из Отрадного, он въехал опять в ту же березовую рощу. «Да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны, – подумал князь Андрей. – Да где он?» «Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца»... «Да это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления»... «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей. – Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтобы и все знали это: и Пьер и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо... чтобы не для одного меня шла моя жизнь... чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!»

Князь Андрей решил ехать в Петербург, чтобы принять деятельное участие в преобразованиях, которые намечались в начале царствования Александра I. Ближайшими помощниками царя в эту пору были Сперанский по гражданской части и Аракчеев по военной. Встретившись в Петербурге с военным министром графом Аракчеевым, Болконский понял, что деспотизм, произвол и тупое невежество исходят от военного министра. Сперанский первое время вызывал в князе Андрее «страстное чувство восхищения, похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте». Князь Андрей, стремившийся к полезной деятельности, решил работать в комиссии по составлению новых законов. Он вел отдел «Права лиц». Однако очень скоро ему пришлось разочароваться и в Сперанском, и в той работе, которую он выполнял. Болконский понял, что в условиях дворцовой бюрократической среды полезная общественная деятельность невозможна.

Любовь к жизнерадостной, поэтичной Наташе Ростовой пробудила в нем мечты о семейном счастье, однако и в личной жизни его ждала горечь разочарования. Увлечение Наташи Анатолом Курагиным разрушило мечты о семье. И «тот бесконечный удаляющийся свод кеба, стоявший прежде над ним, вдруг превратился в низкий, определенный, давивший его свод, в котором все было ясно, но ничего не было вечного и таинственного».

Князь Андрей снова идет служить в армию. Весть о войне с Наполеоном в 1812 году застала его в Турции, при штабе Кутузова. Верный высоким гражданским принципам, он добивается назначения в действующую армию. Став командиром, Болконский «весь был предан Делама своего полка. Он был заботлив о своих людях и офицерах и ласков

с ними. В полку его называли «наш князь». Им гордились, его любили». Назначение Кутузова главнокомандующим всей русской армии очень обрадовало князя Андрея. «Пока Россия была здорова, – говорит он Пьеру накануне Бородинского сражения, – ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек». Однако на предложение Кутузова остаться в его штабе он ответил отказом: «Благодарю вашу светлость, но я боюсь, что не гоюсь больше для штабов... А главное, – прибавил князь Андрей, – я привык к полку, полюбил офицеров, и люди меня, кажется, полюбил. Мне бы жалко было оставить полк». Кутузов понял и одобрил Болконского: «Жалею, ты бы мне нужен был; но ты прав... Иди с богом своею дорогой. Я знаю, твоя дорога — это дорога чести».

Накануне Бородинского сражения князь Андрей полон твердой уверенности в том, что русские обязательно выиграют предстоящую битву. «И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там вверху, – говорил он Пьеру, – мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!» В бою князь Андрей был тяжело ранен. После операции в госпитале его вместе с другими ранеными эвакуировали из Москвы. Претерпевая тяжелейшие страдания, сознавая, что умирает, Андрей Болконский перед таинством смерти испытывает чувство всеобщей любви и всепрощения. Ему кажется, что смысл жизни и путь к истине, которые занимали его всю жизнь, указаны в учении Христа. Жизнь и смерть долго боролись в князе Андрее. Когда во время остановки в Мытищах Наташа пришла к нему и на коленях просила у него прощения, любовь к ней вспыхнула в нем с новой силой, озарив его последние дни.

Близкие Андрею люди сохранили о нем светлую память как о человеке ясного ума, сильной воли, для которого стремление к деятельности на благо людям было делом чести. Сын князя Андрея, Николенька Болконский, присутствуя при разговоре Николая Ростова, Пьера Безухова и Денисова, радостно-восторженно слушает свободную, смелую речь Пьера о том, что необходимо создать общество, которое бы помогло правительству и спасло страну. «Дядя Пьер... вы... нет... Ежели бы папа был жив... он бы согласен был с вами? – спросил он...» — «Я думаю, что да», – ответил Пьер.